

ЗОДЧИЙ

Два долгих года путешествовали по столичным чиновничьим кабинетам бумаги-представления из Лисок, чтобы вернуться сюда строчками Указа Президента В. Путина: «За заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу присвоить звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» АНИКЕЕВУ Александру Владимировичу — директору муниципального учреждения культуры «Лискинский историко-краеведческий музей».

Говорят, Петр I, чтобы привлечь народ в только что открытую им Кунсткамеру, запретил взимать плату за просмотр ее экспонатов. Наоборот, каждому входящему повелел наливать чашку диковинного в ту пору кофе или добрую чарку русской водки.

У Александра Аникеева в Лискинском историко-краеведческом музее тоже есть своя Кунсткамера — собрание редчайших раритетов из истории придонского края. Но на бюджетные гривенники он не то что чарку — стакан минералки для гостей не всегда найти может. Впрочем, «зазывалки» мудрого российского самодержца Аникееву и негодились. За годы существования музея его создатель, художник и директор в одном лице вместе со своим кол-

лективом превратил свое детище в один из самых значимых духовных центров области. В томах музейных книг-отзывов можно изучать не только глубину эмоционального воздействия на всякого, побывавшего здесь, но и географию регионов, ближнего и даже дальнего зарубежья.

«Мы рады, что в нашем городе появилось место, где можно возвыситься духовно». Калинина, Клебанова, Шведов. *«Порыв воспоминаний ворвался в наши души и пробудил желание бездушные разрушить».* Семья Муравьевых, Мурманск. *«Я рад возможности посмотреть этот удивительный музей...»* Брендон Джексон из Америки. *«Время, проведенное в музее, стало переломным этапом всей моей жизни. Дай Бог через годы побывать здесь вновь».* Мих. Асмыслов, Набережные Челны. *«Я из Новосибирска. Удивлена и потрясена такой красотой. Музей вашего маленького городка значительнее и величественнее многих музеев больших городов».* Г. Илюшина. *«Впечатляет духовное начало всех экспозиций. Это нечто потрясающее. Здесь ощущается особое душевное спокойствие».* А. Абакумова, Нефтеюганск. *«Удивлен прекрасным и содержательным музеем российской глубинки. Спасибо всем, кто создавал эту красоту».* Р. Кожеванов, Башкирия.

Люди, не знающие друг друга, не стовариваясь, повторили слова, возвращенные из одного корня — «дух», «душа». И нет в этом ни мистики, ни случайности. В залах Лискинского музея задолго до их открытия действительно поселилась неповторимая духовная атмосфера, потому что его создатели работали здесь с величайшим душевным настроем и порывом.

Духовность — существо незримое, но влекущее и врачующее. Ее нельзя сменить, как меняют веру, убеждения, друзей, музейные экспозиции. Духовность — это оберег от скоропалительной измены и изменчивости. Ею можно лишь проникнуться и унести с собою. Частичкой гордости за малую свою родину, несуетным размышлени-

ем о своем месте в ее истории, желанием быть причастным к ней. В штате Лискинского музея есть хранитель фондов, но не предусмотрена должность хранителя духовности. Возращают, хранят и раздают ее людям шесть научных сотрудников с небольшими окладами да директор. «Не хлебом единым...» — это о них.

С далеким от меркантильности Аникеевым удалось как-то прикинуть: месячная зарплата всего его коллектива в сумме не тянет даже на жалованье одного банковского служащего или административного клерка. Выходит, что хранение духа и культуры народа, ограждение общества от деградации и духовного вымирания менее важно, чем хранение банкнот и выдача кредитов? Музеи и архивы больших городов, учуяв спрос на духовность, превратили ее в товар и выставили на рыночную потребу. Хочешь воспитать не скинхеда, а будущего Федора Ушакова — купи крупицу истории Икорецкой верфи: лист ее схемы — 500 рублей, страница архивного документа — 800. Нужна фотокопия петровской карты? Нет проблем: один кадр — 1200 «деревянных». И Аникеев ищет те самые 1200 и шлет гонцов к предприимчивым коллегам из Москвы, Санкт-Петербурга, Подольска, Ростова. И покупает для своего музея схемы, карты, фото-таблицы. И ищет по ним у заросших берегов Дона место Икорецкой верфи, чтобы воспитывать у ее легендарных стапелей и доков будущих адмиралов Ушаковых, Сенявиных, Чурсиных. А поскольку и сама историческая верфь новой России как бы ни к чему, то искали ее не специалисты и ученые академики, а энтузиасты, сподвижники Аникеева — морской офицер Ю. Лисовский, историк-археолог А. Беззубцев, священник отец Дионисий, полковник-афганец В. Кулаков, учитель истории Н. Жапарина, краевед И. Афанасьев, старый моряк В. Левшунов...

В книге отзывов Лискинского музея есть и такая запись: *«Спасибо за профессионализм, за душу, за теплый прием. Вызвало удивление недостаточное фи-*

Лискинский историко-краеведческий музей

нансирование музея. Не верится, что все в нем — это энтузиазм сотрудников, «зажигающий» посетителей. Это праздник для души русского человека. Храни вас, Господь! Дякую!» Харьков, Украина.

Если наш соотечественник из неблизкой теперь Украины нашел в провинциальном музее «праздник для души русского человека», каким же извинительным и благодарным поклоном нужно бы поклониться нам перед всеми российскими аникеевыми, которые приводят наши души к таким праздникам?! К слову сказать, в давнем разговоре о провинциальном подвижничестве мой коллега из столичной газеты с горькой иронией неголодавшего праведника заметил как-то: «За 10 тысяч рублей любой москвич разве что афишу на столбе наклеить пожелает...» В ту пору я еще не знал Аникеева и ответил коллеге неубедительно и стандартно: «Но так живет вся интеллигенция российской глубинки — врачи, учителя, работники культуры и науки. И не только афиши клеят, но строят храмы человеческих душ и эти души врачуют». Теперь я мог бы и показать коллеге, как это делается. На примере того же Аникеева.

Чтобы сотворить «праздник души для русского человека», вначале было слово. За музей. И молвил его Алек-

сандр сначала робко, а потом и во весь голос. «Робко» — это там, в начале 80-х, в Тресоруковской средней школе, где выпускник истфака ВГУ Аникеев 10 лет преподавал историю. В созданном им школьном кружке археологии все и зарождалось. Там же начали накапливаться и экспонаты будущих музейных экспозиций. Своей идеей о музее в Лисках Аникеев поделился с Александром Сысовым — тогдашним первым секретарем Лискинского райкома КПСС. Александра Митрофановича уговаривать долго не пришлось. «Ищи место и подрядчика — остальное за мной», — таким было резюме того разговора.

Место Аникеев присмотрел давно — парк в центре города, где амбициозно-вызывающе обустроилось «отродье капитализма», кафе-забегаловка, к тому времени лишившееся хозяина и бездействовавшее. Это было начало «лихих» 90-х. Время, когда одни «прихватизировали» все некогда народное и за счет ближнего своего созидали свое утробное благополучие. Другие, действуя по принципу «ломать — не строить, душа не болит», рушили Союз, мораль, систему, идеалы. В год, когда «демократические» танковые пушки в Москве расстреливали российскую историю у Дома Советов, в парке на площади Революции в Лисках вдруг мирно застучали на но-

востройке музея плотницкие топоры. И был тот стук как вызов безумному времени и диким залпам сумасшедших пушек. И бросил тот вызов художник с душой и сутью поэта Александр Аникеев, самим временем определенный на должность еще не существующего музея.

Аникеев идеалы не менял, но моралью ради святого поступился первый раз в жизни: с традиционной русской «жидкой валютой», булькающей в бутылке, пригнал к кафе подвернувшийся бульдозер и стал крушить забегаловку, расчищая место для будущего храма народной истории и своей мечты. Пока искал колышки для разметки, бульдозерист, управившись с «экспроприацией», а заодно и с «жидкой валютой», уснул со своим стальным конем прямо в центре будущего музея — на руинах поверженного капитализма. Колышки будущей стройки директору музея пришлось вбивать прямо меж гусениц того бульдозера. А вскоре на это место стали переносить заброшенное деревянное здание станционной школы № 12 постройки 1885 года — одно из первых гражданских сооружений города.

Скоро сказка сказывается... Музей-сказка строился нескоро. Мешали хроническое безденежье, подоспевший неко времени «кириенковский» дефолт. Спасал положение глава района Виктор Шевцов, объявив музей народной стройкой. Более 400 планерок со строителями и подрядчиками провел он за те пять лет, убеждая строителей не чехлить топоры до срока. «Убежденные», вздыхая, строили в долг, веря слову главы района.

Ну, а Аникеев на несколько лет стал прорабом-архитектором-снабженцем-маляром. На скромную свою зарплату скупал дефицитные в ту пору книги, прибавлял к ним свои графические картины и разыгрывал районные лотереи, пополняя тощую казну стройки. Вбив последний гвоздь на стройке своей мечты по адресу пл. Революции, 10а, Александр назовет потом музей «территорией незавоеванной революции» и через четыре года устало признается мне: «Знаешь, в ту пору я перекрыл для себя созданием музея трагедию разрушения России». А мне кажется — избежал еще и разрушения самого себя как личности, как художника: не спился, не девальвировался... Чуть позже Аникеев

Интерьер картинной галереи

соберет по кабинетам городских чиновников портреты, картины и бюсты опального вождя революции и разместит их в музейном полуподвале. К «Ленину в подполье» люди потом будут ходить так же, как и на выставки картин Крамского, Криворучко, Шевченко — ведь со сменой идеологии искусство и история, в отличие от людей, не меняют окраса.

С открытием музея, пожалуй, единственный в области действующий художник-администратор Александр Аникеев бросил вызов меркантильному времени, объявив подвижничество направлением работы музея. Основы святого и древнего подвижнического ремесла Александр постигал в дружбе с русским мастером-бессребреником Василием Криворучко, которого он до сих пор называет «соборным человеком», Учителем, вторым отцом... Незадолго до кончины Василия Павлович подарил еще не существовавшему в ту пору музею 70 лучших своих полотен. Построив музей, Аникеев в отдельной его комнате воссоздаст мастерскую Учителя и назовет ее залом Подвижничества, под сводами которого одна за другой зажгутся звезды и рано ушедших из жизни подвижников-лискинцев — краеведа Дмитрия Дегтярева, журналиста Петра Бабенко, поэта-учителя Михаила Присянникова, писателя-исследователя Михаила Зюбина... А самый просторный в музее выставочный зал станет носить имя Василия Криворучко. В 1996 году Александр Аникеев, как и его Учитель, передаст все свои графические работы, выполненные за 25 лет, в дар городу и музею. В музейных фондах насчитывается сейчас более трехсот картин, подаренных музею художниками Лисок, Воронежа и области. А десять музейных залов стали магнитными полюсами истории и культуры края, где сила магнетизма измеряется не только количеством их посещений, но и глубиной проникновения в человеческие души. Это свойство Лискинского историко-краеведческого музея отмечали побывавшие здесь Ва-

сий Песков, Егор Исаев, Геннадий Зюганов, космонавт Анатолий Филипченко, генерал армии Анатолий Грибков, библиограф Ф. Ушакова Владимир Овчинников...

Отстроив и отладив музей мечты своей, уйти бы Аникееву с неблагодарной подвижнической стези в толпу успешных и расчетливых, где и салоны выставочные, и различные «членства», и валюта вместо грошей. Но он продолжает оставаться зодчим на паперти жизни. Проводит в картинной галерее по 6–7 выставок в год, открывая землякам новые имена художников. И сам делает прорыв с двумя сотнями картин из коллекции своего музея на престижную выставку Центра России — в Липецкий выставочный зал. И учреждает музейную премию «Золотой летописец» за лучший краеведческий поиск. И придумывает в честь рано ушедшего друга Александра Ирхина районный конкурсных вокалистов «Соловушка», который длится нескончаемо. А еще — фестиваль бардовской песни. А еще — «долгоиграющий» районный конкурс исполнительского мастерства «Ретро-град». И «Шестая жизнь» — поэтическое вече, посвященное поэту-лискинцу Саше Ромахову.

При этом Аникеев находит время для туши, пера, карандаша. И для стихов. Но о стихах его — особой строкою. А тушь и перо, кажется, всегда при нем. В душе, что ли, он их носит — слишком уж вовремя они случаются рядом с ним. И в зависимости от состояния его души то кровоточат, то незлобиво смеются, то слезою горячей прожигают ватманский лист до самой столешницы, до драматической обугленности его графических сюжетов.

«Зацепленный» Высоцким, Аникеев первым в бывшем Союзе проиллюстрировал сборник его стихов и песен «Не вышел из боя». А потом были «Золотое колечко из кукушкиных слез» народной сказительницы Корольковой и сборник стихов «Музыка ветра» греческого поэта и философа Г. Велласа. И книги друзей-земляков В. Тихонова,

А. Ромахова, В. Бубельника... И еще более 20 изданий с его иллюстрациями. Одно из последних — «Православный букварик» Е. Новичихина, органично продолживший великолепную серию «Библиотека ЮВЖД». Откройте любую из поименованных книг и наверняка станете пожизненным пленником аникеевских сюжетов и образов. Потому что поэзия его графики не знает примирительных полутонов. Она поет пронзительно и тонко, как стрела со спущенной тугой тетивы: и уже не увернуться, не успокоиться хоть раз увидевшему след той стрелы — слишком глубокий и резок он. Как черное на белом. Как свеча между добром и злом. В его сюжетах — ничего в лоб, все заставляет размышлять и выбирать: где ты, по какую сторону той потрескивающей свечи...

Впрочем, открывать Аникеева-художника, отдавшего 20 лет книжной иллюстрации, оставим возможностям профессиональным искусствоведам и критикам. Хотя за них первыми это сделали зрители Лисок, Воронежа, Липецка, Санкт-Петербурга, Донецка, где уже успели побывать персональные выставки самобытного художника-самоучки. *«Я интересуюсь графикой и неплохо разбираюсь в ней. Это высокий класс!»* Народный артист России Лев Лещенко. *«Не будучи специалистом, впечатлился очень. Помоему, крупно-остро-выразительно».* Поэт В. Гордейчев, Воронеж. *«Мне дома будет легче жить, зная, что в Воронеже есть человек, который пишет такие картины».* Астрид Бьенесс, Норвегия. *«Саша, ты просто молодец! Автор не вышел из боя, Александр Аникеев в бой вступил».* Нар. артист СССР Евг. Матвеев, Москва. *«Неужели это все творения человеческой руки, руки моего земляка?!»* Студентка ВГАСА, Воронеж. *«В Ваших работах — лицо нашего Отечества».* Семья Казаковых, Рязань. *«Саша, я очень рад, что ты когда-то был моим учеником. Талант у тебя огромный».*

Г. Веллас, доктор философии, истории, археологии. Афины, Греция. *«Ваши рисунки — это полный восторг! Хотелось бы издать на моей Родине хотя бы маленькую книжечку о Вашем творчестве».* Журналист Ветезлав Гулак, Брно, Чехия... Такие вот оценки людей, «зацепленных» аникеевским пером. Хотя сам он без всякой рисовки называет свои работы «изоувлечением».

...А «маленькая книжечка» творчества поэта и художника Александра Аникеева шла к воронежскому читателю более 20 лет. Великолепный сборник аникеевской стихографики «Черным по белому» был уже на пороге у заждавшихся читателей и зрителей. В нем более сотни философско-размышленческих стихов и 160 графических рисунков. В предисловиях к сборнику тогдашний начальник Юго-Восточной железной дороги Анатолий Володько, глава Лискинского района Виктор Шевцов, секретарь правления Союза писателей России Евгений Новичихин назвали эту книгу «открытием поэта и художника». Увы — читатель и зритель так до сих пор и не смог массово открыть для себя ни этот сборник, ни Аникеева. Причина до горечи банальна — не собралось средств на издание большим тиражом. И чтобы нужная всем книга не превратилась, выражаясь строчками аникеевских стихов, в «белый лист заснеженного поля», приходится вслед за автором думать: «Что это — проклятье или доля — начинать с нуля?» «С нуля» в данном случае — это с новых поисков средств. Во время одной из встреч с Виктором Шевцовым удалось вновь заручиться его финансовой поддержкой издания. Но теперь уже огоршил сам Аникеев: «Слушай, а давай эти средства используем на издание «Лискиведения» Игоря Афанасьева — это сейчас важнее...»

Так что же это — проклятье или величие — быть в России подвижником?

Николай КАРДАШОВ

А Я ПО ШПАЛАМ...

Всякая улица — это дорога. Дорога к дому, друзьям, храму, порой в тупик, и такие улицы встречаются. Сегодня поговорим о главной нашей дороге. О железной. Пройдемся неспешно по шпалам, рельсам и памяти.

На железной дороге родился и живет мой город. Не раз уезжал из него на все четыре стороны и возвращался единственной дорогой к дому.

Название город получил от станции. Станция — от села на правом берегу Дона. И что греха таить, никакие события и заслуги так не способствовали превращению сельца в город, как строительство и функционирование дороги, которая поделила поселение на две части.

Вначале Покровское и Петровское, затем городские и запутейские и теперь восточная и западная части города. Помню старый вокзал каменной постройки начала XX века, вросший окнами в перроны, с пилястрами, увенчанными античными головами бога Диониса; известное дело — модерн. Помню деревянную пристройку, а возможно, и остатки еще более старого здания вокзала с комнатой матери и ребенка, с фельдшерским пунктом. Помню перекидной мост от замечательных касс предварительной покупки билетов до деревянного торца вокзала с часами, разрезающего толпу на две части — плывущие на первую и вторую посадочные платформы. Спускаясь по ступенькам перекидного моста, можно было наблюдать всю панораму станции и желто-каменного, чрезвычайно пахнущего общественного туалета под мостом, а далее склад почтового отделения.

Помню еще чистое небо над рельсами. Сеточка высоковольтных проводов, движущихся электровозы, невилася в середине 60-х годов. А до этого ходили паровозы с мощными гудками — пассажирские (ФД — Феликс Дзержинский), маневровые старые «эмки» и маленькие «кукушки».

Я родился возле железной дороги в семье железнодорожников под колыбельную колес, бодрящие гудки и властно-ласковый голос диспетчера: «Составитель Дмитриев, немедленно зайдите в диспетчерскую». Отец во всем мазутном блеске, чистый и пахнущий уходил на работу по стуку вызывальщика, возвращаясь с пропыленным белозубым лицом и подарком «от зайчика». Конфеты «Дорожные», яблоки, а однажды даже банан принес. Он много что помнил из жизни дороги. Потому что тоже родился на этом месте, как и его отец Иван Алексеевич, кондуктор грузовых поездов.

Дорога-трудыга, умница-кормилица. По ней до войны ходили мамы со старшими детьми и собирали несгоревший уголь, выброшенный при чистке топок или потертый при перевозке, рассыпанное зерно или упавшие с вагонов доски.

Паровозное депо еще до войны располагалось между нынешним переходом через ж.д. пути от старой бани к улице Первомайской и бывшим 29-м магазином. Здесь же, на путях в районе бани, находился разворотный круг, с помощью которого поворачивали поезда в нужном направлении вручную, используя систему рычагов.

Когда при подходе немцев мост через Дон был взорван, рельсы здесь имели малую потребность — их частично разобрали и использовали для прокладки путей с северного направления на восточное в сторону Сталинграда. Дуга этой магистрали до недавнего времени располагалась между блочным заводом и северной окраиной города. Отец вспоминал, что еще до войны насыпь расширяли и укрепляли наемные рабочие нерусской национальности — таджики, киргизы, узбеки, которые на верблюдах привозили песок, загруженный в большие кожаные мешки. Везли на горбах и волоком.

Однажды у отца случилась авария — два вагона сошли с рельсов, и его в порядке наказания перевели на маневровый паровоз, который ходил мимо нашего дома, та-суя разные вагоны по различным путям и составам. Вот уж я накатался — это было романтично, но некомфортно. Все гремело, гудело, шипело, кочегар бросал уголь в ненасытную топку машины. Машинист что-то кричал помощнику. Я ничего не по-

нимал и только счастливо и гордо улыбался, выглядывая в окно и впервые наблюдая с такой высокой громыхающей точки свой дом, убегающий вдаль.

Маневровый паровоз утюжит рельсы туда-сюда почти на одном месте. А место особенное, как я потом узнал от одноклассника моего отца, ученого-международника — Вальтера Сергеевича Кислякова. Отец этой истории мне не рассказывал, возможно, не знал, будучи в краткосрочной эвакуации.

В районе паровозного депо выставили санитарный эшелон с ранеными. Это было жаркое лето 1942-го. Несмотря на красные кресты эшелона, фашистские стервятники смешали вагонное железо с человеческой плотью. Местное население в течение двух дней собирало фрагменты тел наших бойцов и закапывало здесь же, на междупутье, выше 29-го магазина. Вальтер Кисляков утверждал, что погибших было не менее 28. В один из своих приездов в Лиски он оставил

записку с описанием этих событий и предложением увековечить памятным знаком на насыпи близ существующего нынче здесь магазина.

«Где-то здесь, у нас под Лисками, в момент прорыва немцев с Петропавловского (Острогжского района) плацдарма на Давыдовку получил тяжелое ранение в ногу тихий еврей Зяма Гердт. Это увечье сделало его походку ущербной, но отечественное кино получило уникального актера и идеального Паниковского. Так что народный артист СССР Зиновий Гердт в 1942-м кровью породнился с лискинской землей».

«Опять летать! Собачье твоё мясо!» — кричал заведующий механическими мастерскими Николай Иванович на фашистские самолеты, прикрывая собой младшего брата моего отца Вову Анникеева, который тоже в меру своих детских сил работал на фронт. Идя однажды с пайкой заработанного хлеба по израненной дороге домой, потерял от голода сознание. Друзья-товарищи не дали умереть на рельсах, принесли домой. Это рассказывала мне моя мама.

На улице по имени Железная Дорога были свои магазины, больницы, бани, дома. Хорошо это или плохо? Новое время видит в этом головную боль. Прежде мало кто говорил: пойду пожалуюсь в райком, горисполком; говорили: пойду к Александру Карповичу — он поможет. Даже историки-краеведы путаются в районных руководителях 50–60-х гг., а вот Александра Лысенко помнят и знают все.

Эта улица была опасной, как и многие другие. Аварии, крушения, гибель под колесами. Однажды, проходя по путям, увидел тело. В школе, где я работал, на следующий день ходили разговоры: Генка Смагин перелезил через стоящий состав, состав тронулся, он упал на рельсы и...

Стационарный вокзал, принимавший в свои объятия за 145 лет разных людей, помнит лица Чехова, Толстого, Шолохова, Гаршина, Троцкого, Исаева, Юрского и многих других.

В конце 60-х одному из пассажиров проходящего состава стало плохо. Его привезли в медпункт. Небольшого роста, седой, подвыпивший. Моя родная тетка Татьяна Ивановна, записывая в журнал данные о больном, поругивала его:

— Что же вы себе позволяете в вашем возрасте так выпивать? Вот теперь отстанете от поезда, будут вам хлопоты.

— Ничего, — виновато отвечал пассажир, — я скажу, чтобы мой вагон отцепили. Только после этого фельдшер оценила механически записанную в журнал фамилию — Шолохов Михаил Александрович...

Многое повидала эта улица на своем веку, многим дала дорогу в жизнь. Много пережила. То замирала в 1990-е, когда на станции стояли сотни локомотивов ВЛ-80, невостребованные страной, то вновь оживала, радуя перестуком колес и гудками электровозов.

И сейчас, открывая форточку перед сном, четко слышу, как гремят составы, проезжая по мосту через Дон.

НЕ РАССТАНУСЬ С КОМСОМОЛЬСКОЙ

Тягучими зимними вечерами, когда отец уезжал «на» дальнюю поездку (Поворино или Купянск), мы с мамой оставались в доме одни. Телевизора еще не было. Часто и света тоже. Тревожные состояния 25-летней мамы передавались мне, и я начинал со слезами канючить: «Поехали на Комсомольскую». Там жили мои бабушка с дедушкой (мамины родители) и мой любимый братик Витя с мамой и папой.

О! У них был телевизор «Рекорд». Мама молча кутала меня во все теплое, обвязывала все, что получалось, пуховым платком так, что торчали только нос и глаза, сажала на крепкие санки, любовно сработанные деповскими мастерами, и я ехал по Первомайской на Комсомольскую, хрустя полозьями, наезжая на задники маминых валежек и любуясь веселыми звездами.

За переездом, где сейчас автомойка, сворачивали на горбатый деревянный мосток, затем съезжали с небольшой насыпи налево, метров 50 берегом вверх Тормасовки и направо через плетеную калитку и засыпанный снегом огород — это Комсомольская, 3.

Здесь я проводил самые счастливые часы своего детства. Куда-то к сияющим звездам улетала неизъяснимая тоска бесконечности. Мир обретал спокойные домашние стены, где было негрустно. В 17:30 по Воронежскому ТВ неизменно транслировали «Сказки кота Мурлыки». Интересно было полистать книги Баруздина, Чарушина, Пришвина.

Бабушка Поля, глубоко верующий человек, покрестясь, пекла вкусные оладушки («бобышки»), а дед Иван, ярый атеист, если мы начинали шуметь и бегать по комнатам, сердился и ворчал: «Анчихристы, окаянные, сейчас как дам под зад пинчином!»

Как я не любил ходить в садик! Он располагался рядом с Покровским храмом (сейчас там занимаются начальные классы школы № 11). И когда мама с папой отправлялись на работу, я старался всеми неправдами попасть к бабушке. С ней и с братиком мы осваивали большую культурную программу — ходили в церковь на отпевание, в клуб речников на «Старика Хоттабыча», в народный суд на разборку семейных драм.

Повзрослев, зимой катались на настоящих («лошадиных») санях с горы, разгоняя их почти от Коллективной, кучей падали на солому повозки и по ледяной горе с космическим ускорением, отбрасывая ступени и подпруги, летели к замороженной Тормасовке. Кроме саней и санок, катались на самокатах, выгнутых особым образом народными умельцами из толстого металлического прута. Здесь же частенько играли в хоккей, нарезая ледяную графику «дутьшами» или «снегурками», прикрученными к валенкам. Ключки мастерили здесь же из вербы заветным перочинным ножиком.

Весной бежали на мост смотреть, как «бушует» Тормасовка, выходя из берегов, подпирая заборы, просачиваясь во дворы, смывая мусор и унося в Дон подгнившие мостки.

Летом у бабушки в огороде умопомрачительно пахло морковкой, помидорами и земляной сыростью. Огород давал на зиму замечательный бочковой продукт.

Первые цветы, которые появлялись по берегам Гормасовки, были желтыми, пахли медом и походили на маленькие солнышки. До школы я был абсолютно уверен, что это и есть подснежники. Каково же было мое удивление, когда я в букваре под стихами «Стали птицы песни петь, и расцвел подснежник» увидел изображение тоненького голубенького цветочка.

Улица Комсомольская, начинаясь у подножия школы № 11, между двумя деревянными мостами через ручей поднималась к Зеленой Горе и упиралась в Коллективную, ведущую в сторону порта.

В начале 60-х вместо маленького дощатого мостика здесь поставили большой, на громадных сваях мост — почти близнец тому, что вел от переезда к улице 40 лет Октября — очередное достижение топорной мысли «Гормасовской республики». По этим двум мостам тогда было налажено одностороннее движение. «Комсомольский» мост давал дорогу в восточную часть города и за Дон, «Первомайский» принимал транспорт, идущий в центр города из восточной его части. Обе дороги тогда же выровняли и засфальтировали.

По «Комсомольскому» мосту движение за ненадобностью было прекращено в середине 1980-х, а куски асфальта и промывая до первозданного песка щебенка на склоне горы напоминают о временах дорожного благополучия и до сих пор.

На улице Комсомольской жили люди самых разных замечательных профессий, занятий и увлечений. Вспоминаются многие фамилии: Крыгины, Чиженко, Олемские, Черных, Федоровы, Машины, Горбачевы, Макаровы, Грищенко, Деевы, Силины, Козинцевы, Ивановы.

Как сейчас, перед глазами Василий Гаврилович Чиженко, ветеран войны, больной и вечно озабоченный делами строительного кооператива. Его сосед, дядя Петя Олемской, всегда выглаженный и прекрасно пахнущий, работал в лучшей парикмахерской нашего города. Она тогда соседствовала с танцевальной площадкой («пятакком») и имела большие прозрачные окна, светящиеся огнями и зеркалами, поражала громадными цветами в плосках и кадках, была воплощением какого-то особого мира, близкого к кино.

Вот дядя Вася Трофимов — знатный диспетчер отделения дороги. Дальше жила семья по фамилии Черных. У работающего главы семейства было три дочери. Одна из них, Валентина, много лет работала в клубе речников. А ее муж, кажется, Михаил — маленький, полненький, черненький — был там популярным самодельным артистом. Однажды вместе со своим высоким напарником засветился даже на Воронежском телевидении. Эта уморительная парочка изображала «Танец маленьких лебедей». Мы очень гордились таким «прорывом» в «большую» культуру лискинской самодеятельности.

Двое друзей моего детства стали кандидатами в мастера спорта. Шурик (так мы его всегда звали) Горбачев — многократный чемпион города, области, дороги по шахматам, а Сергей Чиженко добился результатов в тройном прыжке.

Вера Макарова (Панова) — боевая королева нашего детства — первая из девчонок освоила мотоцикл «Ява» и из гадкого утенка пришкольного двора стала востребованной королевой нашей юности. Да и братик мой — заметная фигура в городе. Хирурга Виктора Васильевича Трофимова, лауреата Лискинской Книги Почета, знают многие.

Все мы — мальчишки и девчонки этого района — учились в школе № 11. Тут невозможно не вспомнить наших замечательных учителей. И мою первую (самую лучшую в мире!) учительницу Марию Ивановну (классика!) Дееву и ее мужа — легендарного десантника Отечественной, преподавателя физкультуры Ивана Алексеевича, и тихого, хроменького Алексея Петровича Меремьянина, учителя пения, который открывал нам двери в культуру и школьный зал, и любимую «русачку» (так звали учительницу русского языка и литературы) Людмилу Александровну Власову — она иног-

да приходила на урок со своей маленькой дочкой Галей, которую, видимо, не с кем было оставить дома. Теперь Галина Германовна — директор одной из крупнейших школ города. А классным руководителем моим была Валентина Федоровна Зиберт (Безмагарычная) — учитель химии и биологии, в которую были влюблены все старшеклассники, потому что она, будучи кмс по художественной гимнастике, имела потрясающую фигурку. И, конечно же, легендарного учителя истории Галину Панкратьевну Коровину с соседней улицы Луначарского, которая больше других заронила в мое сердце любовь к славному прошлому малой родины.

А как не вспомнить Голенищенко Анатолия Сергеевича — ныне почти забытого мастера спорта по гимнастике, преподававшего «ф-ка» у юношей и давшего школе перворазрядников Тимашева, Леонова и других. Как я благодарен, что мое детство прошло здесь и в этой школе.

Но самое интересное состоит в том, что моя жизнь, начавшись на улице Комсомольской, необъяснимыми путями вновь вернулась на круги своя. Три года назад, когда семья переезжала из совхоза «Лискинский», риэлторы предложили дом на Комсомольской. Только номер дома теперь не в начале, а в конце улицы. И это тоже символично. После 50-летнего перерыва я снова на улице Комсомольской, куда доживать привел меня то ли случай, то ли знак судьбы.

ЗЕЛЕНАЯ ГОРА

Зеленая Гора. Попробую подобраться к ней издалека и со стороны. Со стороны всей той же Тормасовки, которая омывает «обережье» улицы с ее начала до последнего дома.

Местность между пристанскими путями и Тормасовкой от Первомайской до порта всегда называлась Лугом. Почему не рощей? Сколько помню, здесь довольно густо росли тополя и кусты ивняка. А дело в том, что прежде — до 30-х годов XX века — эта пойменная земля действительно была заливным лугом. Потом здесь самостийно и по разрешению властей начали появляться огороды. В тяжелые послевоенные времена обрабатывать их было некому, территория пришла в запустение и стала заболачиваться. Во второй половине сороковых на лугу посадили тополя, которые стали безраздельными хозяевами этого почти райского уголка.

Весной после схода воды на земле лужами и канавами рисовалась прежняя планировка грядок. Здесь можно было собирать цветы, косить траву на лужайках, отдыхать с семьей, играя в мяч, «штандр», «съедобное и несъедобное». Здесь проводились уроки физкультуры для учащихся школы № 11 — метание гранаты, зачеты по лыжам и т.д. По Лугу проходила главная пешеходная тропа к донскому Затону, где купались жители улиц Луначарской, Декабристов, Мичурина, Калинина, Комсомольской, Первомайской и других. «Мелкие» шли в трусах и майках, юноши — в синих трико и футболках, постарше — в брюках, закатанных снизу, с голым торсом и рубашкой на плече. На голове — самодельные шляпы из газеты (от тубетейки до сомбреро) — сейчас вряд ли кто вспомнит секрет их изготовления. На пальцах рук у большинства — плетеные из изолированной проволоки цветные перстни — дань времени, на ногах — ничего. Шлепали по натопанной дороге босиком, держа в руках плетенки, кеды, сандалики и т.д.

И вот когда вступали на луговую тропу от «Комсомольского» моста, слева открывался замечательный вид на Зеленую Гору, правый порядок домов этой улицы. Зрелище необычное тем, что дома были не как у всех. Строения стояли на высоченном фундаменте. По существу они были двухэтажными — диковина по тем временам. То, что находилось внизу, использовалось для хозяйственных нужд. А ближе к 90-м годам нижние этажи стали обычным комфортабельным жильем со всеми удобствами.

Мне всегда казалось, что люди, так крепко зацепившиеся за склон Зеленой Горы, — особого полета и характера.

Теперь о самой улице — она небольшая, идет перпендикулярно Комсомольской, начинаясь на подъеме горы и заканчиваясь у портового моста. На Горе жили мои замечательные одноклассники и одношкольники. Помнятся фамилии — Соколовы, Плотниковы, Мироновы, Шостя, Макаровы, Шабановы, Ястребовы, Мартыновы, Пискуновы, Меланьины. В основном все взрослые — работники порта. На улице формировалась элита из старшекласников, в которую входили Женя Шостя, Толик Шабанов, Коля Ястребов и примыкавший к ним Гриша Зинкевич. Боюсь ошибиться, но, кажется, Владимир Петров с Бобровской. В их среде не модно было ругаться матом, напиваться, дебоширить. Ребята занимались спортом: волейболом, футболом, баскетболом. Были начитаны, находчивы, остры на язык. Дружили с КВН, гитарой, бардовской песней. Шостя закончил при этом школу с серебряной медалью.

Это был благодатный уголок, или, как говорят, микрорайон города. Периферийным не назовешь. Близость клуба речников, легкой танцевальной площадки накладывали особый отпечаток какой-то самостийной культуры. В клубе — театр, буфет, заезжие артисты, заезженные любимые фильмы «Есения», «Неуловимые мстители», «Искатели приключений», «Брак по-итальянски», строгий контроль на входе и как следствие (если до 16) — мини-футбол на летней танцевальной площадке допоздна.

Именно здесь засветилась звезда Николая Германского, моего одноклассника, племянника заслуженного художника России Владимира Преснякова, очень талантливое человека. Он жил на соседней улице, Коллективной — но, как я уже сказал, здесь формировалось особое братство молодых людей, и Николай Германский — поющий, играющий, пишущий и рисующий — был в этом союзе на видных ролях. Сейчас Германский — известный в Белгородской области священник, заслуженный человек.

Возвращаясь к клубу речников, вспоминаю притчу о Герострате. Можно прославиться, построив храм, а можно завоевать память людей, его разрушив. В конце 1970-х юные огнепоклонники Зеленой Горы грандиозным пожаром погасили навсегда очаг лискинской культуры, переместив в зыбкую память и первые спектакли Юрия Капустина, и выступления «Славян», и звонкий голос Мордасовой, и первый вкус жигулевского пива в местном буфете.

Юрий Макаров и Шабанов Володя, жившие на этой улице, были моими одноклассниками и друзьями. Ближе других — Владимир. Он всегда интересовался моим творчеством, любил пофилософствовать о жизни, смерти и вере. Семья была необычная. Отец умел делать все и работал по договорам и наймам, по тем временам считался одиноличником. Мать была старостой в церкви. В доме хранилась семейная реликвия — медаль за участие в Крымской войне 1853–1856 гг. Кто из семьи был причастен к тем событиям и, главное, куда делась медаль потом — сие, как говорится, покрыто мраком забвения. Ребята — Анатолий, Владимир и Валерий — воспитывались в черном теле, много занимаясь домашним хозяйством. В конце 80-х, уже после смерти родителей, они на полупромышленной основе освоили выращивание ондатры и изготовление зимних шапок. Бизнес пошел в гору. Но в бедные девяностые его вектор изменился в сторону вечного продукта — хлеба.

К тому времени средний брат Владимир ушел в мир иной. Ушел трагично, разбившись на трассе вместе с сыном. Сын остался жив. Живет и имя моего одноклассника на лискинской земле в названии предприятия ООО «Владимир». Добрый человек, он часто заходил ко мне на работу и давал какие-то деньги на музейные дела. Премия «Золотой летописец», которую получили в 1990 и 1991 годах Д. Дегтярев и М. Лылова — это из фонда Володи Шабанова. Он панически боялся смерти, часто выводил меня на разговоры о ней. А ушел из жизни, не успев подумать о гибели.

Старший Шабанов — Анатолий Дмитриевич — очень поддержал меня в середине 90-х, покупая мои «картинки», которые, может, и не очень были ему нужны.

Заметна на лискинском небосклоне и еще одна предпринимательская фигура из братства Зеленой Горы — Николая Ястребова. Его «Донские традиции» давно и положительно оценены земляками.

Трудная судьба была у другого моего одноклассника, Юрия Макарова, но работа, друзья и сильный характер помогли ему все преодолеть. У него двое замечательных сыновей. Один из которых, Максим, волей судьбы стал сотрудником Лискинского музея, превосходным художником-таксидермистом, значительно пополнив коллекцию музейных чучел и завоевав несколько медалей на международных выставках.

Мне остается только лишь покаяться перед жителями улицы в том, что, возвращаясь с Дона, мы, голодые, переходили вброд Тормасовку и набирали с оглядкой за пазуху перезревших огурцов и полужелтых помидоров, чтобы перебить голод перед домашним ужином.

Спасибо тебе, Зеленая Гора, за добрые воспоминания, за то, что стоишь добрую сотню лет (а может, и больше) открытая ветрам и житейским невзгодам, с некичливой гордостью поглядывая на окружающую местность, слушая соловьев и кукушек, стук поездов на стыках и осенние завывания ветра.

НА ОСТРОВЕ ПАМЯТИ

На старом кладбище у Покровской церкви уже лет пятьдесят не хоронят, и поэтому место это воспринимается большинством без болевого шока, трагизма и слез. Здесь, на Паникиной горе, возле древнего корневого лискинского храма, давно улеглись и остыли безысходные драмы, обретая высокий смысл естественной человеческой жизни с сопутствующей ей сменой поколений.

Нас тянет к таким островам памяти, где можно без суеты подумать о главном на доступном сегодня нам уровне. Вспомним Пушкина:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Пойдемте с этой любовью по протоптанным тропинкам старого погоста, мимо холмиков со скромными крестами из железных труб, в которых ровесники моей юности ночью с фонариками ловили желтых синичек и с любопытством наблюдали фосфорный могильный дым, будоражащий юное воображение гоголевскими ассоциациями; пойдемте смелее на встречу с очень важной составляющей нашей жизни — преданиями старины глубокой.

Как-то, выйдя из автобуса на остановке, предложил внуку пройти к своей улице через старое кладбище. Он осторожно согласился, но сразу же задал вопрос: «Кладбище — это то место, где живут зомби?» — «С чего ты взял, и кто такие зомби?» — спросил я. «Мультик есть такой, а зомби — это чудовища, которые поднимаются из могил и выедают людям мозг». — «Это глупость, — возразил я. — Смотри, вот здесь похоронен герой войны, он нас защищал, а здесь врач — он лечил. А это могила учительницы, которая дарила знания твоему деду — то есть мне...»

В далеком своем детстве, играя в прятки или догонялки, мы говорили: чур (щур) меня, то есть, пращур, храни меня. А сегодня пугаем и пугаемся зомби. Ничего не ответил внук, но, прижавшись ко мне, пошел по натопанной дороге и, кажется, так и остался со своим дремучим мнением, которое почерпнул из иностранного «шедевра».

А это не шуточки и не забава. Думаю, это тоже часть изоэтреной политики — выставить предков враждебными существами.

Как же сохраняется НАША ПАМЯТЬ?

Вот на одной, да и следующей тоже, могилке надгробия с надписями «Вечная память», «Помним, любим, скорбим...» Так ли? Холмики травой поросли, крест покоился, оградка ржавая. Может, умерли все родственники? А если нет? Значит, выпало звено в цепочке этой самой эволюции памяти. А без нее связи нет. И куда улетели красные звезды с надгробий советского времени? На небо? Или упали на землю, сброшенные рукой вандалов? Даже в самые богоборческие времена крест и звезда как главные библейские символы (рождения и физической смерти Христа) мирно соседствовали на погосте. Последняя четверть века смела звезды, пытаясь деформировать то, что уже прошло и обратной силы не имеет. Печально сие. Как можно при этом упрекать в нетерпимости предыдущие поколения, столько беды и труда вынесшие на своих плечах?!

Вот надгробие гуляет без могилки, вот холмик без опознавательных знаков. Вот уже знакомая надпись о вечной памяти, а под фотографией (уже обновленной) ни имени, ни дат жизни. Тут уже не забывчивость, а культура памяти. Точнее, ее отсутствие.

Старое кладбище? А насколько, вообще, оно старое? Самое раннее захоронение, обнаруженное мной (уже без внука), — это могила, как выбито на мраморном постаменте, «якута Василия Николаевича Скрябина, скончавшегося при возвращении на родину в Якутск в 1901 г., 47 лет от роду». А где хоронили до этого? Ведь по самым скромным меркам, наше поселение никак не младше 1784 года — это дата строительства существующей на кладбище церкви. А с 1784 года по 1901-й где хоронили? Это же почти 120 лет. С 1900-го по 1970-й (время существования старого кладбища) численность населения выросла в десять раз, и кладбище обрело все известные размеры и контуры.

Трудное время досталось тем, кто покоится рядом с Покровской церковью, — русско-японская, Первая мировая, революция, гражданская, Великая Отечественная. Искал долгожителей. В основном — 40–65 лет. И фотографии выдают уже преклонный возраст. Редко-редко за 80: вот Мягкова Александра Филипповна — 85, Меланьин Константин Григорьевич — 84...

А фамилии-то какие лискинские, нашенские — музыкальные Гудовы-Перегудовы, Ломанцовы-Кузнецовы, Шабановы-Сазановы, Чернушкины-Корнюшкины, Иванкины-Ширинкины, Просвирины-Панарины. И где-то совсем единично Эпштейн и Гилдбрандт.

Кстати, о музыкальных фамилиях. О якуте Скрябине уже говорили. И вот такая бархатно-баритонная — Карих Сергей Иванович — голубоглазый пятидесятилетний красавец и хрипловато-задушевно — Ждамиров Евтей Петрович, 60-ти лет от роду. Имена тоже — заслушаешься: Елисей, Давыд, Фома, Федот, Гурей, Аким, Михай, Макар и женские — Аграфена, Ефросинья, Акулина...

Потрясающие истории, и только в датах. Коровины Витя (1937 г.р.) и Вова (1938 г.р.) — дата смерти 1942 год. И комментариев не нужно. Красивая пара по фамилии Симоновы. Даты жизни: Наталья Кузьминична — 1889–1945.09.09 и Дмитрий Елисеевич — 1889–1945.30.12. Родившись в один год, он пережил ее всего на три месяца.

А вот еще одно замечательное надгробие — Кисляков Сергей Федорович и автоэпитафия: «В жизни я никого и ничего не боялся, кроме своей совести». Смело сказано для тоталитарного времени, не правда ли? Это отец известного в Лисках человека Вальтера Кислякова, профессора, дипломата, писателя.

А вот другая история: Чулков Александр Лаврович (1911–1969). Не знаю, кем он был, но могу предположить, что он отец другого известного в районе человека — Лавра Александровича Чулкова — выдающегося лискинского механизатора прежнего времени, попытавшегося одним из первых создать фермерское хозяйство (помните, «Лавчубраки») и не выстоявшего в конкурентной борьбе с хозяйствами большими.

Много знаменитостей лежит на этом кладбище: участник восстания на броненосце «Потемкин» Трофим Лещенко, знатный революционер, герой гражданской войны Ф.А. Осипов, начальник пристани (порта) Бондаренко Палладий Ефремович, Герой Социалистического Труда Федосов Филипп Дмитриевич, получивший свое звание в 1942 году, первый командующий районной игрой «Зарница» подполковник Назаров Александр Леонтьевич, мать-героиня Серафима Кузьминична Грибкова, воспитавшая известного российского военачальника Анатолия Грибкова. Где-то недалеко от церкви, потеряв свои координаты, под холмиком лежит легендарный фельдшер Максим Буранко. Вот мраморное надгробие Леонида Панина — классические 37 лет жизни. Немногие уже вспомнят его прекрасные снимки в тогдашней районной газете «Ленинское знамя», добавившие немало колоритных штрихов к фотопортрету нашего города 1960-х годов.

Более десяти остатков старинных мраморных надгробий начала XX века, вероятно, очень состоятельных людей, из которых лучше других сохранилось «дерево» из черного гранита с подробной эпитафией от безутешного мужа и детей, посвященной некой Самохиной Марфе Тихоновне, скончавшейся в 27 лет 29 октября 1916 года. А вот надгробная плита, надпись на которой свидетельствовала о кончине коллежского регистратора Петра Ивановича Орлова в 1914-м на 70-м году жизни. Много всплывает в памяти, когда бываешь рядом с этими святыми местами.

...Из самых ранних моих воспоминаний. У деда Ивана Митрофановича умер друг Микишка. Дед с лопатой пошел на кладбище. Мы с братом — за ним. Ямка была уже приличной, как вдруг с лопаты в отвал упало что-то желтое. И — о ужас! — оно смотрело на нас пустыми глазницами и скалилось редкими зубами. Незабываемо жуткое впечатление.

И еще — в церкви старый протоиерей Митрофан, очень похожий на нарисованного боженьку, отпевает нашего соседа, сапожника Василия Афанасьевича. А дальше...

Я лежу на лавке перед церковью, бабушка дует на меня и машет платком — надо мной плывут лебеди облаков по небесному морю, порхают голуби-ангелы. Тепло и спокойно.

Рядом живые и добрые люди, а впереди целая жизнь.

А ДЕКАБРИСТЫ НИ ПРИ ЧЕМ

Скажу честно — улица Декабристов никогда не ассоциировалась у меня с дворянами, выходившими на Сенатскую площадь. Жили здесь в основном серьезные рабочие люди, суровые, которые могли, мягко говоря, постоять за себя и тому же учили свое потомство, без всяких там французских междометий.

Почему-то мне сейчас думается, что попади на эту улочку в неурочный час набриллированный стилиста, аккордеонист-виртуоз первой лискинской джаз-банды Лева Гринев, ему бы легко сыграли здесь по ребрам «На сопках Маньчжурии». И в то время, когда упомянутый Лева натягивал, как тогда говорили, с мылом на свои нижние конечности брюки-дудочки по улице Луначарского, на Декабристов уже начинался клешный бум. «Декабристы» были в этом почине законодателями мод.

Расклеванные брючки в обтяжку от бедра до колена, а ниже на каждой ноге по отутюженной юбке — из лавсана, габардина, пиджачной и одеяльной ткани, обшитые-подшитые блестящими металлическими штучками, дальними предками нынешних страз, украшенные лампочками внизу с батареей в заднем кармане — эти чудные предметы мужского туалета мели насквозь пропесоченную улицу Декабристов до самого материка.

По своим строениям и длине улица Декабристов вполне могла сойти за сестру-близняшку Дзержинки — она также была невелика, шла ей параллельно и упиралась в пристанские пути.

Здесь жили многие мои близкие и дальние родственники разного возраста и степени родства. Но ходить сюда без взрослых сопровождающих не рекомендовалось. «Декабристы» держали «верхушку» за путями, на пляже, с ними считались городские; и даже совсем «мелкие» были здесь духаристы и задиристы. В любой момент, не зная английского, они имели желание доказать, кто на этой улице «ху ис ху».

Суровый стиль общения предпочитал фамилиям и именам клички: Синий, Румба, Сара, Кыра, Бубеля, Кот, Фурман, Чухмарь и т.д. Хотя здесь жили очень многие уважаемые люди: Меланьины, Обуховы, Чушкины, Березневы, Фроловы и другие, мной не названные, по свойству памяти — забывать.

Взрослый народ здесь в выходные и по длинным летним вечерам разбивался на группы, причаливая к одному из домов. Старики и женщины (да малые дети) затевали игру в лото, периодически выкрикивая: «Барабанные палочки», «дед», «стульчики» и т.д., а мужики и бальзаковского возраста женщины играли в карты — в «рамса» с небольшими ставками, а пареньковый молодежь резался в «пожара» на деньги: чертили на земле линию, ставили на нее столбиком копейки и метров с десяти старались «подогнаться» к столбику за черту или сделать вообще «пожар» — повалить денежный столбик. «Гнались» старыми царскими рублями, советскими серебряными полтинниками и отцовскими медалями со спиленным ушком. На выигранные деньги покупали спички, сигареты, редко пиво и вино.

Не очень, скажете, красивая картинка вырисовывается. Зато на этой улице больше чем на любой другой водились фанаты-голубятники, которые лазали по крышам, свистели, махали тряпками, меняли (и покупали на выигранные в «пожара» и «рамса») сизокрылых, фасонных, лохмоногих, чубатых с подтресом и т.д. и т.п. Частыми были разборки — кто у кого какую голубку увел, доходило до драки и погромов на голубятнях...

Мой учитель рисования и черчения Меланьин Михаил Кузьмич, которому я помогал во время и после уроков рисовать плакаты для праздничных демонстраций, жил где-то напротив дома «Цветочницы». Еще он запомнился мне большим любителем проводочной рыбалки на Дону.

А в маленьком домике к концу улицы справа ютилась семья Погореловых — это были работники порта с тремя детьми. Старшая дочь Люба училась со мной в одном классе школы № 11, а ее младший брат Николай Погорелов, мой сотоварищ по волейболу, стал практически первым официальным лискинским предпринимателем, основав брокерскую контору.

В конце улицы, ближе к путям, и тоже справа, жил некий Вася по кличке Китаец. Он был уже пенсионного возраста, имел круглое красное лицо, узкие глаза и непреодолимую любовь к рыбалке. Последнюю он любил, кажется, даже больше, чем выпивку. Мы с братом называли его конкурирующей фирмой, потому что и наживку копали, и рыбу ловили в одних и тех же местах. Бирюки, мелкие сомята, судачки были всегда в ассортименте садка Васи Китайца. Рассказывали, что он и умер в лодке, просидев под палящим солнцем больше, чем ему было отведено здоровьем и возрастом.

Да. Еще деталь. В середине 1960-х из Монголии, выполнив долг перед дружественной страной, приехала и поселилась на улице Декабристов семья Зозулиных. Мальчик Вова попал в наш класс и оказался самым последним учеником по всем предметам при хорошем, добром, но дурашливом характере. Мне, как отличнику, поручили взять его «на буксир». Но в школе он так и не смог учиться, сойдя на криминальную тропу. Наоборот, это я научился у него считать до десяти по-монгольски... Мы думали, что он тогда же и сгинул. А он в лихоподъемные 90-е явился принцем на белом коне, научившись считать по-русски до миллиона. Обустроил жилье маме, избавил ее от всякой нужды, стал гордостью семьи. Как-то нечаянно подумалось: «Вот бы он меня теперь взял на буксир...»

Недавно я вновь проходил по улице Декабристов, улице своего потрясающего и

незатейливого детства. И хотя здесь появились новые этажные дома, многое осталось узнаваемым — песок, трава-мурава. Кажется, вот из этих ворот сейчас выйдет дядя Коля Лупан и завернет такую соленую шуточку, что неделю будешь помнить, попохохатывая.

А вот это уже не кажется. Вон, смотри! На крыше своей вечной голубятни посевший Юрка Фролов размахивает палкой, свистит и что-то кричит в синий колодец неба, куда бабочками падают голубиные души наших ушедших друзей.

ПОЛКИЛОМЕТРА ПО ДЗЕРЖИНКЕ

Улица Дзержинского и по наркомовскому списку, и по географии, и по одноэтажной доморощенной сути — рядом с улицей Луначарского. А если точнее, под углом в 90°. Улица короткая — 450-500 шагов, в зависимости от того, кто шагает и в каком состоянии.

Я считал свои шаги до школы № 11 и обратно десять лет. А в торце улицы, за пристанскими путями, — одноэтажное здание школы № 13. Здесь учились многие мои друзья-ровесники до пятого класса. В ней преподавал, а затем какое-то время директорствовал «Демидон» — Дмитрий Георгиевич Дегтярев — первый наш краевед.

Бывали годы, когда Дон, разливаясь, выходил из себя. Тормасовка превращала школу, к счастью мальцов, в необитаемый остров. Но, к большому сожалению учеников, это продолжалось недолго.

На улице жили Гладковы, Зязины, Мироновы, Ефимовы, Обуховы, Косиновы, Шуруповы, Онищенко, Карамышевы — все в домах в основном послевоенной постройки. Главной знаменитостью улицы считался, конечно, Георгий Иванович Грибков. Он был моим соседом и мужем моей родной тетки Марии Ивановны Аникеевой. А знаменит был тем, что приходился родным братом Анатолию Грибкову — известному в стране военачальнику.

Мой сосед, занимаясь хозяйством, ходил кормить своих кролей в пиджаке генерал-лейтенанта, а я мальчишкой гонял по крышам голубей в фуражке генерал-майора. Полководец изредка наносил визиты в наш город, когда в большой семье Грибковых происходили радостные или скорбные события. Эти визиты становились объектом всеобщего внимания. Прибывал генерал на станцию в своем вагоне и с сопровождающими лицами. Разговоров потом хватало на годы.

Возле каждого дома в начале 60-х лежали бревна, кирпич, щебенка. Все строились. Часто помогали друг другу месить глину для обмазки домов. Мы, ребяташки, включались в это с удовольствием.

В те годы были популярны палисадники перед домами, где росли сирень, акация, березки или дикая смородина. Плодовые деревья на улице не сажали. В середине 80-х палисадники стали сносить, дорога расширилась, появились возле домов вишни, абрикосы, яблони и цветочные клумбы с петуниями.

Самым быстроходным средством передвижения на этой улице был велосипед. Здесь отец учил меня «кататься» на купленном по случаю подержанном «Орленке». Сколько полетал я на нем в прямом и переносном смысле, познавая родную землю!

В какие игры играли, уже написано — в основном подвижные. Но были и другие. Сидели на бревнах, связанных проволокой, рассказывали страшные истории про черную перчатку, колдунью, которая превращалась в кошку и доила ночами коров. Играли в садовника — «Я садовником родился, не на шутку рассердился...», в сломанный телефон, в города, слова. Пели песни (уже без гармошки, но еще без гитары): «Жил в Одессе славный паренек», «Четыре татарина», «Лепестки фиалок опадают», «Когда мне было десять лет...»

В посиделках на бревнах охотно принимали участие девочки, кто-то из ребят старался быть джентльменом, кто-то обращал на себя внимание грубостью и хулиган-

скими выходками. Рассказывали, как и везде, в то время разные анекдоты — бытовые и политические. Ну, очень смешные! Сейчас вспоминаю — и грустно.

Найдя пустую бутылку, мыли и бежали сдавать в 29-й магазин. На полученные деньги можно было купить 100 граммов конфет или стакан семечек у старушек, сидящих на ступеньках магазина перед входом.

В начале улицы — шлакоблочное одноэтажное здание валяльной мастерской, затем прядильного цеха, а сейчас это помещения, примыкающие к супермаркету «Ной». Мы собирались частенько под стенами этого строения, чтобы «постучать» по воротам, нарисованным мелом на стене. Иногда мяч попадал не в ворота, а в окно, что называется, не в бровь, а в глаз, и мы тут же растворялись в необозримых просторах детской Вселенной.

На улице имелась колонка общего пользования с артезианской водой. За водой ходили со всей улицы, да и я с Луначарской прибежал к этому источнику с длинной ручкой. Над колонкой стояли столбы буквой «П». Колонка от постоянного пользования часто ломалась, и соседские мужики, взбравшись на «П», с крутым русским словом поднимали трубы занемогшей колонки. Воду носили («таскали») порой на коромыслах, простых и расписанных под хохлому.

Внизу улицы в дождливое время года всегда стояла лужа воды, через которую пробирались по доскам и камешкам. В конце 80-х улица Дзержинского победила на городском конкурсе как самая чистая, активная и уютная. В награду была заасфальтирована.

О! Это был великий прогресс и большая радость. Исчезла вечная лужа, сделали сток в канаву. С тех давних пор остались отдельные островки дорожной цивилизации в ожидании следующей уличной победы.

Где вы, мальчики и девочки с улицы Железного Феликса, с пылким умом, с руками в цыпках и горячим сердцем? Разлетелись с бревнышек кто куда: кто в небеса, кто в рабочие, кто в учителя. Кто на север, кто на юг. Кто за кордон... Течет река жизни.

ПО МАЙСКОЙ УЛИЦЕ С ОРКЕСТРОМ

Улица Первомайская в моем сознании всегда эмоционально совмещалась с диаметрально противоположными событиями. По этой улице мы, учащиеся школы № 11, текли праздничными колоннами дважды в год на демонстрации: 1 Мая и 7 ноября. Позже — еще и в День Победы. Шли рекой, подпитываясь ручейками 19-й и 13-й школ.

По этой же улице, поднимавшейся к старому храму Паникинской горой, двигались, приостанавливая вялый автопоток, похоронные процессии. Впереди шел оркестр с Шопеном и барабанщиком Витей Бычком, который жил на этой же улице. Неизменно среди духовиков — дядя Сема Германский с тарелками, Михаил Захарович — знатный лискинский танцор с армяно-грузинской внешностью и блестящей трубой на устах.

Вдоль дороги стояли сочувствующие, дергались занавески на окнах домов. Часто люди, узнав, кого хоронят, из зрителей становились участниками шествия.

Все знали друг друга, передавали из уст в уста эпикриз: «умер от рака», «жена зарезала», «да пил он сильно», «попал под поезд» и т.д.

По этой же бульжной мостовой гнали скот на мясокомбинат из Донского правобережья. Овцы, козы, свиньи, бычки — они пылили, бляели, мычали, хрюкали, визжали, устилая дорогу прощальным навозом. Под лихие окрики донских ковбоев «цоб-цобэ, проклятущие» животных гнали только «туда» и никогда «обратно».

Однажды довелось быть очевидцем замечательной картины — несение благодатного огня от церкви до вокзала. Старушек в черных платках и зипунах почти не видно, и только поток огня вопреки законам физики поднимался по улице снизу вверх, к

вокзалам, и затем, видимо, ручейками растекался по городу и району. Церковь на всех лискинцев была одна.

Первомайская всегда, даже в период своего «бульжно-эмбрионального» состояния, претендовала на улицу магистральную. Много воды утекло в Тормасовку, но только теперь Первомайская приобрела цивилизованный вид — с хорошим асфальтовым покрытием, бордюрами, тротуарами, газонами и пандусами. Вот только бы сами жильцы не забывали, что их улица — из основных, лицевых. А о лице нужно заботиться ежедневно...

Изначально это была улица лискинских железнодорожников-стрелочников, вызывальщиков, башмачников, машинистов, кочегаров и т.д. На ней жили Аникеевы (подворье Иванских, Баранов), Ирхины, Балбековы, Матюхины, Савельевы, Змеевы, Покровские... Прошу прощения, что не все фамилии называю — мой рассказ не телефонная книга.

Из знаменитостей — дядя Мыся, Моисей Павлович Макаров, машинист, награжденный многими орденами и медалями за свой добросовестный труд. В начале 1990-х он тешил свою душу прудовой рыбалкой.

Напротив дяди Мыси, через дорогу, жила семья Балбековых, глава которой тоже был известным машинистом, а сын Саша Балбеков — прекрасный лискинский музыкант, композитор — совсем недавно ушел в мир иной. Здесь в 1990-е репетировал первые хиты Владимир Ждамир из будущей «Бутырки».

В сентябре 1980-го «первомайцы» были потрясены взрывом в одном из цехов МЭЗа, унесшим жизни 18 земляков. Среди них — Анатолий Запороженко, совсем молодой, но уже главный механик цеха, жил со своей семьей в начале улицы Первомайской, в самом длинном доме, похожем на барак. Говорили о его большом мужестве во время этих трагических событий. Добрую память оставил он о себе своему четырехлетнему сыну.

А в самом конце улицы перед переездом жила молодая семья Макаровых. Он — машинист, она — учительница, сын — шахматный вундеркинд, которым гордилась наша 11-я школа. Крепкий дом, хороший достаток. Да что-то не сложилось в семье, рано ушли и он, и она, оставив на земле как свидетеля их прежней любви талантливого и одинокого мальчика Костю Макарова, который уехал учиться в Воронеж, и хочется надеяться, сложил свою жизнь счастливее, чем родители.

По этой же стороне улицы слева стоял маленький домик с покосившейся калиточкой. Идя в школу по Первомайской, я иногда встречал красивую девочку, выходящую из этого домика. Ее звали Наташа. Она была чуть младше меня, восьмиклассника, уже засматривающегося на симпатичные личики.

Наташу воспитывала бабушка. Девочка нравилась многим взрослым парням. Шептались о том, что она вполне доступна, некоторые даже небрежно называли ее Натахой. Большие белые банты украшали ее чудную головку. И вот однажды школу пронзила весть — Натаха повесилась.

Бедная девочка, узнав, что беременная, решилась на такой отчаянный поступок. Когда ее хоронили, вся школа толпилась у дороги, ведущей на кладбище. Это была наша первая нелитературная трагедия шекспировского масштаба — не книжный опыт взаимоотношений между разнополыми подростками, который сопровождался разговорами, обсуждениями без недоговоренностей и усмешек. Потому что цена этому опыту была велика — жизнь семиклассницы и полубезумная старость ее бабушки.

Чтобы не заканчивать на трагической ноте, напрягу память и вспомню, что у переезда справа, рядом с домом Вити Бычка, была установлена конструкция с афишей клуба речников, того самого, где начинал свою легендарную биографию десятилетний Юра Капустин. Прекрасно написанные, вероятно, художником В. Хохловым, афиши сразу передавали дух и смысл предстоящего в клубе действия — кино ли это, концерт, цирк или интересная лекция общества «Знание». Помню афишу сольного концерта Марии Мордасовой, которая приезжала в Лиски, как к себе домой, с мужем-

концертмейстером, нашим земляком Иваном Руденко. «Гармонь моя, да гармониочки-ки! Золоченые да уголочики!..»

В 1960-е Первомайскую среди первых улиц покрыли асфальтом. Асфальт топили в больших котлах между двумя мостами через Тормасовку. Вот уж мы нажевались черной смолы, заменявшей нам заморскую резинку! И как радостно бегали внутри неостывших покатых котлов, изображая из себя героев аттракциона «Владислав Наткин и Вячеслав Кожушко — на мотоциклах по вертикальной стене». Афиши с их портретами часто будоражили наш городок.

Закрою глаза, вижу и слышу: катит по глянцевому булыжнику Первомайской телега старьевщика, позвякивая прицепленным снизу ведром — цок-цок, дзынь-дзынь. «Свистульки, шары, рыболовные крючки за домашнее тряпье, старые тетрадки и газеты...». Цок-цок, звяк-звяк..

ЛУНА И ЧАРЫ

Улица Луначарского. Сколько себя помню, свое название она не меняла.

— Ты с какой?

— С Луначарской. Или проще — Луначарки. Луна и чары слышались в этом слове. И только позже — наркомпросовский гул революции.

Наш дом — у дороги — автомобильной и железной. Отец рассказывал, что в начале XX века напротив нашего жилья был еще один порядок домов. А теперь, просыпаясь и бросая взгляд в окно, вижу железнодорожную насыпь и по ней — ноги, идущие в город или обратно. Слышны рекламные голоса индивидуальных предпринимателей советского времени: «Точу ножи-ножницы, точу ножи-ножницы» или «Бабы, бабы — карасину!» (не карасей, а керосин предлагал).

Перед домом палисадник, где чахлые от пыли вишни и неприхотливые топольки. Время съело и палисадник. Отполированная булыжная мостовая, вечно дремавшая в ожидании очередного транспорта и прогона скота (об этом еще не раз придется вспомнить), оделась в асфальт и понесла на себе сотни разных машин, мотоциклов, велосипедов, вытеснив навсегда гужевой транспорт на городские окраины.

Небольшая улица, начавшись от угла Первомайской, затухала где-то выше поймы Тормасовки, устав на мелбугорском подъеме.

Играть пацанам на этой территории было неудобно и небезопасно из-за транспорта. Но еще в середине 60-х зимой мы катались с насыпи на лыжах и санках, съезжая прямо на проезжую часть Луначарки или вдоль железной дороги на улицу Сергея Лазо по покато́й горке, которую мы называли Манюней.

— Вы куда?

— Пошли на Манюню кататься.

Но в основном все наши игры происходили на улице Дзержинского, чуть ниже валяльной мастерской, где изготавливали чудесные теплые валенки (сейчас на этом месте супермаркет «Ной»).

Играли в футбол — «улица на улицу», в «штандер», в «дюка», жожки, «в пожара», чижка, городки, прятки (жмурки) и многое другое.

«Улица на улицу» не только играли, но и нешуточно дрались. Луначарка консолидировалась с другими улицами под общим названием «Запутейские». И иногда вечером, не дослушав ответ на вопрос: «Ты с какой улицы?», неизвестный из компании наносил внезапный удар, выключающий свет. Городские, запутейские, а далее клининские, базовские, «Лощина» частенько выясняли отношения между собой вручную с переводом соперника в партер. Порой это приобретало характер городского бедствия.

Какие фамилии гнездились на улице Луначарского — Аникеевы, Власовы, Федотовы, Сорокины, Осьмухины, Востриковы, Симоновы, Афанасьевы, Чистовы и другие.

Первой знаменитостью, которой гордилась улица, считался журналист Влад Аникеев. Он жил на углу улиц Первомайской и Луначарского (дом сохранился и поныне). А прославился своими острыми, интересными публикациями сначала в газете «Молодой коммунар», а затем в «Советской России», объездил страну и полсвета, теперь осел и здравствует в Туле, продолжая свой творческий труд и поддерживая связь с лискинской землей.

На нашей улице жил дедушка по фамилии Власов, и многие знали, что он был героическим защитником Порт-Артура, награжденным царскими крестами, которые никогда не носил. И если продолжать дальше о ярких личностях, украшавших наш угол, конечно же, нужно вспомнить его знаменитого Геду. Кто его не знал?! Участковый с великолепной выправкой. Аккуратен, выбрит и подтянут. Всегда! Гроза местной шпаны. Шептались, что он попивает потихоньку в одно лицо, о чем это самое лицо и сигнализировало периодически красным цветом.

Ну да что люди не придумают про выдающуюся из их среды личность, тем более облеченную какой-никакой властью.

По улице часто вездеходил в шаркающих сапогах широко известный в городе нищий Ваня-немец. Обросший щетиной, с полуоткрытым ртом, закатившимися под брови зрачками, с котомкой и стульчиком за спиной, он производил на детей пугающее и загадочное впечатление.

По православным праздникам этому нищему-юродивому было позволено звонить в колокола Покровского храма. В народе ходила молва, что он замаскированный немецкий шпион.

Всплывает из памяти и некий хулиган с внешностью Шуры Балаганова. Кличка у него была Дефос. Этот самый Дефос с друзьями мог украдкой подобраться к трогаящейся трехколесной инвалидной коляске, приподнять задок машины, и бедная урчала и визжала на месте, пока костыль инвалида и крепкое его слово не отпугивали в стороны хохочущую братию. Так могли шутить пацаны с нашей улицы.

Достопримечательностью улицы Луначарского был 29-й магазин, в 2015-м его снесли. Маленький, набитый товаром, с деревянным подиумом перед входом, на котором размещались бабушки с мешками жареных семечек и гранеными мерными стаканчиками, — этот магазин был местом тесного (в прямом и переносном смысле) общения. Помню, на деревянных полках болгарский конфитюр, рыбное разнообразие, дорогущую осетрину, кукурузный мед, прессованный плодовый чай, панировочные сухари, пастилу, «подушечки» (конфеты), периодические очереди и обмен последней информацией в них.

В начале 60-х были перебои с хлебом. Люди занимали места в длинных очередях. Хлеба не хватало, и он был неважного качества, вперемешку с горохом и кукурузой. Очереди плодили юмор и сатиру, рассказывали анекдоты и пели частушки про Никиту Хрущева, тогдашнего лидера государства. В конце 70-х ситуация изменилась, и жители, державшие домашний скот, закупили хлеб мешками — это был самый дешевый корм для животных (исключая, конечно, ворованный из колхозов). Вот такие «хлебные ножницы» случались у нас в разные годы.

А самое яркое впечатление из детства — это 12 апреля 1961 года. Я — первоклассник с именем Гагарина на устах и неубиенной верой в могущество своей страны и счастливое будущее всего человечества. Какой был солнечный день! И так хотелось, чтобы моя улица носила гордое имя первого космонавта Земли.

В городе появилась такая улица в районе Мельничного Бугра — бывшая Батарейная.

Много позже я понял, как важно, меняя улицам имена, не навредить прошлой славленной истории, особенно с глубокими местными корнями. Ведь улица Батарейная не случайно появилась после войны на карте нашего города.

Но это уже другая история.

«ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ ДОМ НАЙДЕМ, ХОТЬ ГЛАЗА ЗАВЯЖИ...»

Улица Коммунистическая — главная торгово-культурно-праздничная артерия города.

Лет семь-восемь назад мы с друзьями набросали план улицы с пометками, где что находилось. Я, кажется, готов был подступиться к теме. Но не получилось. Решил пройтись по касательной, рассказав о своем пути на работу, которым я хожу уже 30 лет, а знакома мне эта дорога с рождения. И начнем мы «танцевать» почти от печки — от старой бани, что возле перехода через ж.д. пути.

Больше ста лет не меняла она свой профиль — мыла, лечила поголовно многие поколения лискинцев. Оттирала от мазутного грима моего отца — потомственного железнодорожника, и меня, его потомка, от тормасовской грязи с сомнительными лечебными свойствами.

Лет 15 назад баня чуть было не приказала долго жить, но отреставрированная равнодушными людьми, помолодела и преобразилась.

Однако вектор банного интереса земляков сместился в другие микрорайоны, и судьба побледневшей от ожидания и горя бани с вывеской «Продаю» зависла уже не на месяцы, а годы, готовясь, вероятно, сменить профиль деятельности или уйти в небытие.

Итак, мы начинаем движение по улице Транспортной, имея конечным пунктом краеведческий музей. Справа — остановка, которая, кажется, была всегда, за ней аптечное заведение, на месте которого прежде стояло легкое строение под легкомысленным названием «Ветерок» — здесь было пиво и вино на розлив, а за кафе, за капитальным забором, почти на одной линии с баней, красовалась столовая — очень приличное старое здание — с прекрасным полуресторанным обслуживанием.

По какой-то странности обстоятельств с этим учреждением соседствовала ж.д. школа № 12. Еще в середине 1960-х она функционировала. Почему-то сюда мы, школьники, стекались со всего города для участия в олимпиадах по математике, химии и т.д. Улица Привокзальная. Правый ряд исчез совершенно, а левый лишился жилых многоквартирных домов — по реестру памятников истории и архитектуры — железнодорожных казарм. Это по ходу взгляда справа.

Вернемся, однако, на Транспортную. Я помню ее еще булыжной, промытой весенними ручьями. Лихо скакал мой «Орленок» по отполированным камням, не завидуя идущим на обгон «Москвичам», «Победам», «Запорожцам», мотоциклам (их было много — «Уралы», «ИЖаки», «Минск», «Явы»), мотороллерам («Вятка», «Тула») и прочим мопедам.

Скачет память, как по булыжной мостовой, — то нырнет в 30-е, то подпрыгнет до 90-х.

Вон там, внизу, у старого подъезда, в начале 1993 года сидел замечательный и уже очень больной художник Василий Криворучко, рисуя фломастером виды нашего города для областной газеты с целью привлечь внимание культурной общественности к тому новому, что делалось в городе.

Сейчас дорога стала шире, слева, на месте целого порядка снесенных стареньких домиков, появилась замечательная клумба с павином, ровный асфальт, прекрасная и удобная разметка, поток самых разнообразных машин, среди которых в основном иномарки. А когда-то здесь же, у бани, мы сбегались посмотреть на громадный «Форд» русского канадца, который до этого удивлял город щедрыми посылками родственникам из-за границы, а затем заявился сам на машине и в шляпе — ну, чистый американец. Говорили, что он после германского плена эмигрировал в Канаду и сколотил там небольшой капиталец, выгодно женившись на хозяйке ранчо, где батрачил. У нас он всплыл в 70-х и продержался недолго, облагаемый налогами и крепкими, забытыми им русскими оборотами.

Это вспомнилось к слову. Мы еще торчим возле бани и видим слева за «павлином» улицу, уходящую вниз, к пойме Дона — она названа именем машиниста Волкова, который совершил свой подвиг во время Гражданской войны — ценой жизни вывел с захваченной белоказаками станции эшелон боеприпасов для Красной Армии. Мемориальная табличка на крайнем частном доме рассказывает об этом.

А ведь интересно! Поворачиваемся направо и видим трехэтажный магазин «Березка» — еще недавно просто коопунивермаг, а еще раньше — в 50–80-е годы — здесь, за спиной универсама, сладко спали склады оперившейся советской кооперации. До войны же на этом месте (некоторые утверждают, что в районе рыбного магазина «Океан») стояла начальная школа (школа Чеботарева, вероятно, потому, что располагалась в экспропрированном доме предпринимателя) — с громадным валуном у входа, о чем хорошо помнил мой отец, учившийся здесь уму-грамоте в одном классе с Вальтером Кисляковым. Теперь лишь баня — сторожил этих мест — может негласно подтвердить или опровергнуть сей факт. И другие факты.

Скажем, наличие ярмарки сенных возов. С давних времен и до середины 30-х годов она здесь шумела, торговала, меняла пахучий товар через дорогу от нынешней «Березки». А чуть дальше — вторая ярмарка привозных товаров: из Боброва — лук, яблоки; из Икорца — арбузы; из-за Дона — сливы, вишни; из Аношкино — «гончарка»; из Давыдовки — овощи, веники. Урывчане везли домотканые ковры, известные своими достоинствами даже в столице, где их называли лискинскими — по месту приобретения проезжающими пассажирами.

Здесь, на Транспортной, и тоже напротив нынешней «Березки», где закладывается новый коттедж, стоял крепкий дом лискинского мебельщика по фамилии Мошкин, который выполнял самые изысканные заказы невзыскательного рабочего потребителя ст. Лиски — столы, залавки, этажерки, диваны, шкафы и прочее.

Рынок (базар) уже около века не меняет свой адрес и ориентацию (с юга на север). Менялись, модернизировались врата в продуктивно-вещевой рай, лавки, павильоны, но место оставалось прежнее, оживленное соседством с узловым вокзалом.

Сто шагов вперед (можно и не на пальцах) — и вот новый поворот. Что он нам несет? Здесь теперь красуются стеклянно-пластиковые павильоны, предлагающие цветы и многое другое.

А еще каких-то лет 20 назад тут встал в землю рубленый дом машиниста Глухова. Дом старинный, замечательный своим крыльцом с красивойшей деревянной аркой над покосившейся верандочкой. Вероятно, сей шедевр в порыве вдохновения изготовил все тот же мебельщик Мошкин, живший практически через дорогу. Жилье это примечательно и своим хозяином, старостой и активистом 20–30-х годов. А еще тем, что именно отсюда после пламенных речей начинался бурный и веселый, совсем не железный поток демонстрантов на 1-е Мая, 7-е ноября и др. Направлялся он не в сторону Дома Советов, а туда, куда мы с вами держим путь — на площадь Революции — к клубу железнодорожников по Советской улице.

Вроде и небольшой путь пройден — от бани до поворота на Коммунистическую, а сколько улиц тронули словом — Транспортная, Привокзальная, Волкова, Советская, и везде тогда шумели тополя, дополняя нашу зыбкую память все новыми и новыми образами, звуками и запахами. И не случайно автор песни «Тополя, тополя зеленые... в город мой влюбленные» — этот поэт-бродяга какое-то время жил в наших Лисках — Геннадий Михайлович Колесников.

Итак, мы следуем далее. Но недалеко. Напротив дома Глухова по диагонали — старая автостанция. Кажется, еще недавно в обрамлении тополей она шумела свои ветреные песни отъезжающим, шуршала сушками, звенела сетками, пыхла мешками, выдавала проездные билеты, которые сознательные пассажиры компостировали в автобусных салонах, а их антиподы пополняли армию уже подзабытых «зайцев».

Эта станция помнит билеты по две и пять копеек и по 600 рублей в начале 90-х, когда мы все враз стали миллионерами. Вроде и недавно это было, а декорация поменялась дважды. На месте скромной 50-летней автобабушки с сине-зелеными панелями внутри вначале появились многочисленные цветочные-грильные павильоны с автобусно-таксистским «сходняком», а теперь здесь формируется очень сложная и интересная развязка трех дорог. И одна из них — Коммунистическая.

Она начинается своим левым порядком с двухэтажного здания, которое прежде было истинно «Детским миром», а с начала 90-х это стал меняющийся мир взрослых вещей. Пятиэтажный жилой дом с «Магнитом» внизу (прежде «червяком», «Астрой») при рождении перекрыл расплескавшийся песчаный приток улицы Коммунистической, находящейся в идейном родстве с одной из самых протяженных артерий города — ул. Карла Маркса.

Улица открывалась старенькими домами дореволюционной и послевоенной постройки, выросшими окнами в урожайную на песке лебеду. По правому порядку в одном из таких строений жил наш школьный физкультурник — красавец А. Голенищенко, один из первых лискинских мастеров спорта по гимнастике, сгубивший себя алкоголем. За его домом по этой же стороне до 1990-х красовался необычный павильон самой известной в городе фотографии, с высокой застекленной стеной, тяжелыми шторами на стенах и окнах, рисованным задником, декорациями и очень серьезным, уважаемым и уважающим себя фотомастером по фамилии Барбашев. Все школьные коллективные фотографии 60–80-х гг. делались здесь, о чем свидетельствует неизменный их фон.

Не менее пяти раз маэстро прятался под черную ткань у треноги объектива, выходя и поправляя очень корректно и требовательно очередную композицию под названием «Фото на память».

Сколько теперь такой памяти гуляет по личным и музейным архивам, выплескиваясь под всеобщий «ок» в фотохранилища интернета!

Увязая в «карломарксовских» песках новенькими пахучими сандалетами, туфлями и ботинками, можно было пропылить и до кинотеатра «Пролетарий», выйдя к нему с тыльной стороны, где на стене светлым кирпичом под двускатной крышей были выложены цифры — 1910 г. (вероятно, дата постройки).

Но вернемся назад к дому старосты Глухова, от которого начинала свое движение кумачовая колонна демонстрантов с портретами и лозунгами, пристроимся ей в хвост и будем поглядывать по сторонам. Сразу направо — короткая улица Базарная, в конце 90-х приказавшая долго жить новым торговым рядам в западном секторе рынка. К этой улице мы вернемся чуть позже (я вас еще не запутал?), а теперь продолжим движение по Коммунистической, сделав равнение направо. Оно и стоит того.

На месте нынешнего магазина «Восток» на прочном фундаменте стоял двухэтажный очень хозяйственный магазин старой постройки, до революции принадлежавший купцу Шурупову. Здание выходило лицом на улицу Базарную. На втором его этаже короткое время находилась районная библиотека, щедро окормлявшая лискинцев духовной пищей. Сюда можно было попасть по узкой боковой и довольно темной лестнице, но это окупалось светом книжных знаний и улычками радушных библиотекарей. За домом Шурупова присел (а может, вытянувшись, прилег) одноэтажный магазин. Он знал себе цену и ощущал свою востребованность.

Его просторный интерьер был пропитан ароматом здоровой дефицитной книги, пылью политических брошюр, краской потрясающих по качеству репродукций (ныне называемых компьютерными копиями, что в данном случае не в пользу всемогущего компьютера).

Чем-то еще пахло. Ах, да! Из-за бархатной ширмочки, отделявшей торговое

пространство от служебного, по магазину распространялся густой запах тонких духов заведующей Полины Семеновны Анцуповой. К ней были вхожи только первые лица города, иногда вторые — для первых. Книги издавались 500-тысячными тиражами и часто расходились, не добираясь до прилавка. Стремясь к выполнению планов и обязательств, продавцы уже тогда включали изобретательность и предприимчивость. На видном месте — классическая советская реклама «Книга — лучший подарок». Все соглашались. Даже когда к Майн Риду или Пикулю «приваривали», вероятно, для полноценности подарка и расширения кругозора читателя, пару брошюр Фейербаха и нетленных стихов какого-нибудь Николая Тяпкина-Задунайского.

Медленно, но верно продвигаемся дальше. За «КОГИЗом», где теперь «Легион», «спиной» к нам, идущим с транспарантами, — мясной павильон (лавка купца Драгунова), а дальше — «лицом» к нам маленький скобяной (хозяйственный, для ясности) магазинчик, где нормальные люди отоваривались керосином для заправки керогазов и примусов, а их оппоненты денатуратом для чистки этих, теперь антикварных, аппаратов, а заодно и своих желудочно-кишечных трактов, экономя на магазинном алкоголе. То были времена жуткого дефицита на средства автотопедвижения. Все и все готовы были купить, но была очередь на товары повышенного спроса.

И тогда отец изрек запомнившуюся мне фразу: «Настанут времена, и ваши эти машины будут стоять в каждом скобяном магазине...» Он оказался прав. По части дефицитных товаров, из которых не удалось победить только дефицит на деньги. Но движемся далее.

«Спиной» опять к улице Коммунистической — двухэтажный кирпичный дом дореволюционной постройки с порожками, красивым металлическим ограждением по периметру крыши и большими глазницами окон первого этажа, которые закрывались тяжелыми, обитыми металлом, створками, выходящими на улицу Базарную. На первом этаже здесь продавали роскошную фарфоровую посуду, духи, подарки, а на втором — верхнюю одежду: пальто, шубы, куртки, костюмы. Тут, не торопясь, с толком, расстановкой, в сопровождении домочадцев земляки примеривали обновки в соответствии со своими растущими потребностями и быстро худеющими кошельками. Просто забываем запах того отдела.

За большим магазином следовал маленький, узенький хлебный магазинчик с кулинарией.

А через дорогу напротив — «дежурный», который запирали своим углом правый створ Базарной. Это теперь все магазины работают в режиме востребованности. А тогда один «дежурный» отдувался за всех до 21-го часа. Гастрономия, бакалея, вино-водочный отдел, рыбный, хлебулочный принимали устные заявки покупателей по утвержденному регламенту и в соответствии с живой очередью.

На месте остановки «Привокзальная» был разбит после войны простенький парк из тощих тополей. Один из них, раздавшись в «плечах», и теперь озеленяет оживленную остановку. В парке стояли гипсовые фигуры, а до них, говорят, в полный рост главный кузнец Великой Победы.

Перед парком свернем налево. Спокойно. Никакой тебе зебры, никаких светофоров. Уличное движение позволяло без спешки пройти туда, вспомнив что-то, — обратно и, потеряв по дороге мысль, снова ринуться туда, причем без риска столкнуться с автомобилем или проезжающей повозкой, щедро усевающей булыжную мостовую лошадиными яблоками.

Итак, мы на левой стороне Коммунистической. Демонстрация пошла дальше, мы тоже, но другим путем — по улице, которая до сих пор носит оригинальное название Площадь Революции. Почему с площадью произошли такие метаморфозы, разберемся чуть позже.

Итак, мы на улице Площадь Революции, в самом ее начале — между магазином «Лиски-табак» и снесенной гостиницей «Дон». Если, бросив взгляд налево, где теперь отделение Сбербанка, «Сивма», «Лиски-табак», напрячь уставшую память, можно «увидеть» в далеких 1960-х одноэтажное здание посуды-хозяйственного магазина, двухэтажную сберкассу и детские ясли. Тихо, спокойно, размеренно. Это тогда. А теперь... Навстречу люди, люди, торопятся, спешат.

Впереди у нас прямая дорога к храму веры, храму искусства и храму истории.

Пойдем уже намеченной прямой по Площади Революции, от ее устья, впадающего в шумную Коммунистическую. Закроем глаза, чтобы лучше видеть вчерашний день. Вспомним Александра Ромахова: «Дай увидеть закрытым глазам — моя память плывет по холмам».

Слева — магазин «Петушок» — последний крик перестройки, он отоваривал ветеранов войны и труда в дефицитное время недорогой мясной продукцией колхозов и местной птицефабрики. Однако «прокукарекал» 1993 год, и «Петушку» свернула шею модная «Кофейня на паях», потом сюда затерся очень неплохой продуктовый магазинчик, и снова вернулись к кафе, но уже без понтов — с меню, написанным от руки фломастером. В общем, ситуация менялась со скоростью колебания тогда всемогущего доллара.

Дальше по этой же стороне и дальше по времени — знаменитая, пахуче-сверкающая зеркалами парикмахерская, а за ней, где сейчас развернувшаяся боком милиция-полиция, — легендарный «Пятачок». Не имени друга Винни-Пуха, а имени пяти советских копеек — столько стоил вход на танцплощадку. Здесь тусовалась (вот написал это слово и почувствовал, как оно не совпадает с тем временем и той атмосферой) — танцевала и влюблялась молодость наших отцов и юность старших братьев под духовой оркестр с барабанщиком Семеном Германским или под новомодный джаз с ударником Львом Гридневым, и, конечно, под безотказные радиолы, запущенные через горластые колокольчики серебристых громкоговорителей.

Напротив — частные дома. Теперь здесь громадина торгово-гостиничного комплекса. Запомнился угловой, обитый дощечкой домик, в котором жили родители Геннадия Павловича Федотова — человека известного с городе с малых лет. Вначале как юного дарования — баяниста, затем серебряного медалиста школы № 11, а потом добрейшего и интеллигентнейшего лискинского врача, лауреата Лискинской Книги Почета, зятя одного из самых известных лискинцев XX века хирурга Николая Сивашенко и мужа прекрасного офтальмолога Евгении Федотовой.

Нет домика, нет уже родителей, да и сам Геннадий Павлович безвременно ушел в мир иной, а память прочно живет — в этом. Вспоминается, как в прекрасной компании мы с баяном ездили к тяжело больному краеведу Михаилу Зюбину отмечать его последний юбилей — сколько жизнелюбия и радости подарил старику тогда Геннадий Павлович!

Прямо напротив врат старой милиции через дорогу — ладненький, с крылечком, домик четы Колесовых, которые до середины 1990-х были непременно участниками всех творческих лискинских конкурсов — на лучший гимн-песню, стихотворение, герб, название... Они никогда не побеждали, но создавали конкурсную атмосферу. Дай Бог такой же активности всем входящим в их зрелый возраст.

Нашу главную дорогу пересекает перпендикулярно улица 30 лет Октября. Налево пойдешь — в «Пролетарий» попадешь: детские сеансы на 9:45, 1:30, взрослые — 17:30, 19:30, 21:45. В лидерах проката — «Приключения мистера Питкина в больнице», «Неуловимые мстители», «Бродяга», «Господин 420», «Есения»... Направо пойдешь — скромная песчаная улочка с неброскими четверичками и пятистеночками. И слева и справа нескверные, хоть и тополевы скверики, которые обращены к пе-

перекрестку двумя гипсовыми фигурами: слева — мальчик-горнист, справа — девочка с книгой. Скульптуры были обыкновенными типовыми отливками. Про то, что где-то в других парках водились в большом количестве девушки с веслом, мы узнали позже, во время перестройки. Как жаль, что не сохранились эти трогательные и наивные носители той культуры, тех духовных ценностей. Не помешали бы они нам сейчас!

Итак, налево «Пролетарий» с прилегающим сквером и стоящим пионером. В глубине сквера — прозрачный торговый павильон. Он только для взрослых. Здесь дяди брали граненые кружки пива в кудрявых шапках пены, солили краешек посуды и предавались некоторому расслаблению после трудового дня перед фильмом, о котором говорил уже весь город. Павильон был целомудренно отделен от площадки перед кинотеатром высоким зеленым забором со скамейками для ожидающих своего сеанса. Женщины и дети появлялись у павильона только для того, чтобы напомнить увлечшимся папам, что прозвучал третий звонок.

Это все слева по ул. 30 лет Октября. А справа, кроме сквера, фигур и скромных домиков, спиной к улице — шлакоблочный общепитовский цех розлива газированных напитков, выдававший в стеклянных бутылочках лучший в мире грушевый «дюшес» и иную продукцию, которая наверняка бы на ура прошла контрольную закупку у Антона Привольного. Это я все о том, что было. А что есть — вы знаете. Некий бульвар, дальше Аллея афганцев с традиционным гусеничным памятником вместо девушки с книгой. Оглянемся назад — все огромное, сверкающее, многоэтажное. И опять вспомним ромаховские строки «А все-таки, как рукопись романа, мне жаль одноэтажное терять».

Напротив здания полиции, развернувшейся «лицом» на запад, где сейчас частная гостиница и Центр занятости населения, располагался прежде единственный (не считая вокзального) ресторан с «оригинальным» названием «Дон». В середине 1960-х (дело случая, и об этом уже много написано) здесь обедал Михаил Шолохов, а через 30 лет ветром перестройки сюда занесло народного артиста СССР Евгения Матвеева с презентацией кинокартины «Любить по-русски». Мне поручили его сопровождать. Он не любил есть один и вообще ненавидел одиночество. Артист был хоть и стар, но красив, особенно издали, вблизи были видны на щеках все погрешности его кожи, вызванные постоянным применением грима. Будучи похожим на Л.И. Брежнева, он очень весело и не пошло его изображал, рассказывая истории, где их пути пересекались. Я с благоговением держался за его правую руку, опертую на кресло, изящную и разрисованную старческими коричневыми пятнами, что добавляло руке биографии и значимости...

Миновали перекресток. Далее по пл. Революции справа и слева шли старенькие дома, весь архитектурный лоск которых не вписался в XXI век, и изыски кирпичной кладки оконных проемов и карнизов были спрятаны под чистейший, светлейший голымый сайдинг. За новой и красивой гостиницей «Барокко» (которая по стилю, если о нем здесь можно говорить, более напоминает архитектурные приемы стиля рококо) издавна располагалась контора общепита, ставшая в 90-х первой частной пекарней «Владимир», а затем домовая кухня, с окошечком для выпечки.

Напротив, через дорогу, в начале 1970-х появилось уместное кафе «Мороженое» с разнообразной сладкой продукцией, непривычно прозрачными стенами из толстого стекла и привычной очередью веселящейся молодежи. В начале 90-х кафе приказало долго жить маленькому кафе-ресторанчику. Но предприимчивая и гостеприимная хозяйка не смогла выдержать конкуренции с его величеством рынком, и вскоре здесь появились новые арендаторы с вывеской «Мир фруктов», что обрадовало и обогатило новыми впечатлениями местную округу.

Перед тем как окунуться в атмосферу и историю парка, расположенного, собствен-

но, на пл. Революции, бросим благодарный взгляд на левый ряд домов, где ранее стоял кирпичный типичный «особняк» Героя Социалистического Труда СССР Филиппа Федосова (теперь это небольшой домик, затерявшийся среди сайдинговых переростков) — дом № 17. И во время войны, когда станцию бомбили, и после нее здесь жил герой со своим семейством, получивший высшую мирную награду страны в военное время — это дорогого стоит.

Теперь, как и обещали, все внимание направо. Сто лет назад здесь был пустырь. Как он использовался и какую перспективу видели перед ним тогдашние власти — нам неизвестно. Возможно, здесь приключались выезды конных отрядов разместившегося в казармах кавалерийского полка.

Но грянули революция, гражданская война, а после разгулявшаяся комсомольская кровь, вооруженная созидательными идеями, тачками и лопатами, решила преобразовать пустырь, воздвигнув, как в сказке, на голом месте дворец, свой молодежно-железнодорожный. Протянули от вокзала ж.д.-ветку через ныне Советскую и в вагонах подавали стройматериалы с ветки Копанице — Коротояк на парадную стройку. А через два года (прямо по Маяковскому) — к десятилетию Октября с бодрыми речами и оркестром открыли прекрасный народный дом творчества. «Что нам стоит дом построить, нарисуем — будем жить», а площадь при рождении дворца, естественно, нарекли Революцией. Здесь поначалу завершали шествия демонстрации и массовые патриотические митинги, пока в 1930-е годы не построили Дом Советов (и тоже на пустыре в западной части города).

Перед войной, в 1938 году, знаменитый советский писатель А. Серафимович (Попов), направляясь по Дону в Вешенскую к Шолохову, сделал остановку в Лисках. Летний театр, недавно отстроенный на территории парка, едва выдержал «железный поток» молодежи со всей лискинской округи. Масса вопросов, записок, споров. Провожали писателя к речному порту всем миром.

Во время войны в клубе был размещен госпиталь. Документов нет, но молва утверждает, что на территории парка находилось строение, где лечились около 70-ти тяжелораненых бойцов. Одна из немецких бомбежек прямым попаданием накрыла лазарет. После войны в парке поставили памятник Сталину, который во времена культа личности заменили на бюст Михаила Калинина, затем слева от парадного входа в парке был установлен бетонный бюст Максима Горького. Перед зданием клуба — неизменный Ильич на традиционном постаменте. Хотя если посмотреть на фотографии 30-х годов и нынешние — скульптура вождя была заменена на новую отливку, которая немного отличалась от предыдущей.

Судьба у памятников, как и у людей, неодинакова. В 1990-х изуродовали до неузнаваемости «всенародного старосту», из кустов дикой сирени торчала голова великого пролетарского писателя, которую вернуть на постамент двум совестливым мужикам (один из которых был А. Иванкин) не представлялось возможным по причине неподъемности бюста. Все ушло на свалку.

На рубеже веков XX и XXI парк одичал. Рухнула в небытие страна, и единственный островок организованной жизни едва теплился в западной части парка, где медленно, но верно поднималось здание, призванное быть хранилищем городской памяти. Здание поставили на месте сгоревшего частного кафе «Гриль» (привет из 90-х), а раньше, в 30–50-е, здесь располагался деревянный пивной павильон, в народе прозванный «Голубым Дунаем».

Клуб железнодорожников, доживавший свои последние дни, давший стране трех заслуженных и одного народного артиста, принимавший в своих стенах легендарных политических деятелей, космонавтов, артистов (М. Мордасову, А. Вески, В. Кикабидзе, С. Захарова и многих других), угасал на глазах. Но при участии лискинского руководства произвели реконструкцию и приспособили здание под филиал ВГУ, а теперь,

и надеемся надолго, здесь разместились школа искусств, от которой мы вправе ждать в будущем новых заслуженных и народных.

Парк клуба железнодорожников! Сколько чудесных историй, давно озвученных и интимно оберегаемых, связано с этим святым для каждого лискинца местом. Кажется, написал много, а прочитал — и десятой части не высвечено.

Парк... Это было место паломничества молодых людей в летние выходные дни. Юноши в клешах, приталенных рубашках, иногда с жабо и кружевными рукавами, девушки в разнообразных платьях и юбках то выше колен, но ниже пят. Танцы, таинство целующихся аллей, качающие этот фантастический мир фонари, прогулки под руку по «Бродвею» (тихая асфальтированная дорога от парка до милиции) и «краска на лице, когда слегка соприкоснувшись рукавами»... На танцах кумиры — за ударными Н. Карих, в малиновом камзоле А. Сидоров, сдержанно-эффектный гитарист Ю. Ермолаев, флегматично-снисходительный красавец Ю. Артамонов (Юраха), серьезный Иванов и, наконец, эффектный с бубном Ирхин. Старая, старая сказка, из которой по-разному выходили в «люди» наши таланты, и мы вместе с ними. Но шли мы по улицам нашей жизни вольно и молодо. Все было тогда впереди.